

Вопросы для анализа художественного текста

Чтобы правильно определить проблему, рекомендую воспользоваться этим списком вопросов, которые помогут проанализировать художественный текст

Пересказать текст. О чем этот текст? (выписать ключевые слова, словосочетания, которые позволяют определить тему текста)

- От какого лица ведется повествование?
- Кто главный герой? Какой он? (номера предложений, цитаты)
- Какие мысли, обстоятельства, поступки раскрывают героя? (номера предложений, цитаты)
- Что думает автор\герой? К какой мысли подводит читателя? (номера предложений, цитаты)
- Как автор оценивает мысли, поступки героя\ свои мысли и поступки? (номера предложений, цитаты)
- Как реагируют другие на события, поступки, слова (реакция социума)? Что из этого следует? (номера предложений, цитаты)
- Чему учит текст? О чем призывает задуматься? (номера предложений, цитаты)

Текст №1

— Вы очень хороший человек, Николай Степаныч, — говорит она. — Вы редкий экземпляр, и нет такого актера, который сумел бы сыграть вас. Меня или, например, Михаила Федорыча сыграет даже плохой актер, а вас никто. И я вам завидую, страшно завидую! Ведь что я изображаю из себя? Что?

Она минуту думает и спрашивает меня:

— Николай Степаныч, ведь я отрицательное явление? Да?

— Да, — отвечаю я.

— Гм... Что же мне делать?

Что ответить ей? Легко сказать «трудись», или «раздай свое имущество бедным», или «познай самого себя», и потому, что это легко сказать, я не знаю, что ответить.

Мои товарищи, терапевты, когда учат лечить, советуют «индивидуализировать каждый отдельный случай». Нужно послушаться этого совета, чтобы убедиться, что средства, рекомендуемые в учебниках за самые лучшие и вполне пригодные для шаблона, оказываются совершенно негодными в отдельных случаях. То же самое и в нравственных недугах.

Но ответить что-нибудь нужно, и я говорю:

— У тебя, мой друг, слишком много свободного времени. Тебе необходимо заняться чем-нибудь. В самом деле, отчего бы тебе опять не поступить в актрисы, если есть призвание?

— Не могу.

— Тон и манера у тебя таковы, как будто ты жертва. Это мне не нравится, друг мой. Сама ты виновата. Вспомни, ты начала с того, что рассердилась на людей и на порядки, но ничего не сделала, чтобы те и другие стали лучше. Ты не боролась со злом, а утомилась, и ты жертва не борьбы, а своего бессилия. Ну, конечно, тогда ты была молода, неопытна, теперь же всё может пойти иначе. Право, поступай! Будешь ты трудиться, служить святому искусству...

— Не лукавьте, Николай Степаныч, — перебивает меня Катя. — Давайте раз навсегда условимся: будем говорить об актерах, об актрисах, писателях, но оставим в покое искусство. Вы прекрасный, редкий человек, но не настолько понимаете искусство, чтобы по совести считать его святым. К искусству у вас нет ни чутья, ни слуха. Всю жизнь вы были заняты, и вам некогда было приобретать это чутье.

— Ты все-таки не ответила мне: отчего ты не хочешь идти в актрисы?

— Николай Степаныч, это, наконец, жестоко! — вскрикивает она и вдруг вся краснеет. — Вам хочется, чтобы я вслух сказала правду? Извольте, если это... это вам нравится! Таланта у меня нет! Таланта нет и... и много самолюбия! Вот!

Сделав такое признание, она отворачивает от меня лицо и, чтобы скрыть дрожь в руках, сильно держит за вожжи.

Антон Павлович Чехов — русский писатель, прозаик, драматург, публицист.

Проблема (над чем призывает задуматься читателей писатель?):

Аргумент №1:

Аргумент №2:

Позиция автора (ответ на проблемный вопрос):

Текст 2

Кто-то входит в переднюю, долго раздевается и кашляет. Егор докладывает, что пришел студент. Я говорю: проси. Через минуту входит ко мне молодой человек приятной наружности. Вот уж год, как мы с ним находимся в натянутых отношениях: он отвратительно отвечает мне на экзаменах, а я ставлю ему единицы. Таких молодцов, которых я, выражаясь на студенческом языке, гоняю или проваливаю, у меня ежегодно набирается человек семь. Те из них, которые не выдерживают экзамена по неспособности или по болезни, обыкновенно несут свой крест терпеливо и не торгуются со мной; торгуются же и ходят ко мне на дом только сангвиники, широкие натуры, которым проволочка на экзаменах портит аппетит и мешает аккуратно посещать оперу. Первым я мирволю, а вторых гоняю по целому году.

— Садитесь, — говорю я гостю. — Что скажете?

— Извините, профессор, за беспокойство... — начинает он, заикаясь и не глядя мне в лицо. — Я бы не посмел беспокоить вас, если бы не... Я держал у вас экзамен уже пять раз и... и срезался. Прошу вас, будьте добры, поставьте мне удовлетворительно, потому что...

Аргумент, который все лентяи приводят в свою пользу, всегда один и тот же: они прекрасно выдержали по всем предметам и срезались только на моем, и это тем более удивительно, что по моему предмету они занимались всегда очень усердно и знают его прекрасно; срезались же они благодаря какому-то непонятному недоразумению.

— Извините, мой друг, — говорю я гостю, — поставить вам удовлетворительно я не могу. Подите еще почитайте лекции и приходите. Тогда увидим.

Пауза. Мне приходит охота немножко помучить студента за то, что пиво и оперу он любит больше, чем науку, и я говорю со вздохом:

— По-моему, самое лучшее, что вы можете теперь сделать, это — совсем оставить медицинский факультет. Если при ваших способностях вам никак не удастся выдержать экзамена, то, очевидно, у вас нет ни желания, ни призвания быть врачом.

Лицо сангвиника вытягивается.

— Простите, профессор, — усмехается он, — но это было бы с моей стороны по меньшей мере странно. Проучиться пять лет и вдруг... уйти!

— Ну, да! Лучше потерять даром пять лет, чем потом всю жизнь заниматься делом, которого не любишь.

Но тотчас же мне становится жаль его, и я спешу сказать:

— Впрочем, как знаете. Итак, почитайте еще немножко и приходите.

— Когда? — глухо спрашивает лентяй.

— Когда хотите. Хоть завтра.

И в его добрых глазах я читаю: «Прийти-то можно, но ведь ты, скотина, опять меня прогонишь!»

— Конечно, — говорю я, — вы не станете учение оттого, что будете у меня экзаменоваться еще пятнадцать раз, но это воспитает в вас характер. И на том спасибо.

Наступает молчание. Я поднимаюсь и жду, когда уйдет гость, а он стоит, смотрит на окно, тербит свою бородку и думает. Становится скучно.

Голос у сангвиника приятный, сочный, глаза умные, насмешливые, лицо благодушное, несколько помятое от частого употребления пива и долгого лежания на диване; по-видимому, он мог бы рассказать мне много интересного про оперу, про свои любовные похождения, про товарищей, которых он любит, но, к сожалению, говорить об этом не принято. А я бы охотно послушал.

— Профессор! Даю вам честное слово, что если вы поставите мне удовлетворительно, то я...

Как только дело дошло до «честного слова», я махаю руками и сажусь за стол. Студент думает еще минуту и говорит уныло:

— В таком случае прощайте... Извините.

— Прощайте, мой друг. Доброго здоровья.

Он нерешительно идет в переднюю, медленно одевается там и, выйдя на улицу, вероятно, опять долго думает; ничего не придумав, кроме «старого чёрта» по моему адресу, он идет в плохой ресторан пить пиво и обедать, а потом к себе домой спать. Мир праху твоему, честный труженик!

Третий звонок. Входит молодой доктор в новой черной паре, в золотых очках и, конечно, в белом галстуке. Рекомендуются. Прошу садиться и спрашиваю, что угодно. Не без волнения молодой жрец науки начинает говорить мне, что в этом году он выдержал экзамен на докторанта и что ему остается теперь только написать диссертацию. Ему хотелось бы поработать у меня, под моим руководством, и я бы премного обязал его, если бы дал ему тему для диссертации.

— Очень рад быть полезным, коллега, — говорю я, — но давайте сначала споемся относительно того, что такое диссертация. Под этим словом принято разуметь сочинение, составляющее продукт самостоятельного творчества. Не так ли? Сочинение же, написанное на чужую тему и под чужим руководством, называется иначе...

Докторант молчит. Я вспыхиваю и вскакиваю с места.

— Что вы все ко мне ходите, не понимаю? — кричу я сердито. — Лавочка у меня, что ли? Я не торгую темами! В тысячу первый раз прошу вас всех оставить меня в покое! Извините за неделикатность, но мне, наконец, это надоело!

Докторант молчит, и только около его скул выступает легкая краска. Лицо его выражает глубокое уважение к моему знаменитому имени и учености, а по глазам его я вижу, что он презирает и мой голос, и мою жалкую фигуру, и нервную жестикуляцию. В своем гневе я представляюсь ему чудаком.

— У меня не лавочка! — сержусь я. — И удивительное дело! Отчего вы не хотите быть самостоятельными? Отчего вам так противна свобода?

Говорю я много, а он всё молчит. В конце концов я мало-помалу стихаю и, разумеется, сдаюсь. Докторант получит от меня тему, которой грош цена, напишет под моим наблюдением никому не нужную диссертацию, с достоинством выдержит скучный диспут и получит не нужную ему ученую степень.

Антон Павлович Чехов — русский писатель, прозаик, драматург, публицист.

Проблема (над чем призывает задуматься читателей писатель?):

Аргумент №1:

Аргумент №2:

Позиция автора (ответ на проблемный вопрос):

Текст 3

Наконец я приехал в Одессу. Этот огромный южный порт был, для моих шестнадцати лет, - дверью мира, началом кругосветного плавания, к которому я стремился, имея весьма смутные представления о морской жизни. Казалось мне, что уже один вид корабля кладет начало какому-то бесконечному приключению, серии романов и потрясающих событий, овеянных шумом волн. Запас иллюзий и комических представлений был у меня вообще значителен.

Поступить на пароход казалось мне так же легко, как это происходит в романах. Поэтому крайне был озадачен я тем, что на меня никто не обращает внимания, и ученики мореходных классов, красивые юноши в несравненной морской форме, которых я встречал повсюду, казались мне рожденными не иначе, как русалками, - не может обыкновенная женщина родить такого счастливецца.

Я жил в полусне новых явлений. Тогда один случай, может быть незначительный в сложном обиходе человеческих масс, наполняющих тысячи кораблей, - показал мне, что я никуда не ушел, что я - не в преддверии сказочных стран, полных беззаветного ликования, а среди простых, грешных людей. В казарму привезли раненого. Это был молодой матрос, которого товарищ ударил ножом в спину. Поссорились они или, подвыпивши, не поделили чего-нибудь - этого я не помню. У меня только осталось впечатление, что правда на стороне раненого, и я помню, что удар был нанесен внезапно, из-за угла. Уже одно это направляло симпатии к пострадавшему. Он рассказывал о случае серьезно и кратко, не выражая обиды и гнева, как бы

покоряясь печальному приключению. Рана была не опасна. Температура немного повысилась, но большой, хотя лежал, - ел с аппетитом и даже играл в "шестьдесят шесть".

Вечером раздался слух: "доктор приехал, говорить будет". Доктор? Говорить? Я направился к койке раненого. Доктор, пожилой человек, по-видимому, сам лично принимающий горячее участие во всей этой истории, сидел возле койки. Больной, лежа, смотрел в сторону и слушал.

Доктор, стараясь не быть назойливым, осторожно и мягко пытался внушить раненому сострадание к судьбе обидчика. Он послан им, пришел по его просьбе. У него жена, дети, сам он - военный матрос, откомандированный на частный пароход (это практиковалось). Он полон раскаяния. Его ожидают каторжные работы.

- Вы видите, - сказал доктор в заключение, - что от вас зависит, как поступить - "по закону" или "по человечеству". Если "по человечеству", то мы замнем дело. Если же "по закону", то мы обязаны начать следствие, и тогда этот человек погиб, потому что он виноват. Была полная тишина. Все мы, сидевшие, как бы не слушая, по своим койкам, но не проронившие ни одного слова, замерли в ожидании. Что скажет раненый? Какой приговор изречет он? Я ждал, верил, что он скажет: "по человечеству". На его месте следовало простить. Он выздоравливал. Он был

лицом типичный моряк, а «моряк» и «рыцарь» для меня тогда звучало неразделимо. Его руки до плеч были татуированы фигурами тигров, змей, флагов, именами, лентами, цветами и ящерицами.

ILINA EKATERINA

От него несло океаном, родиной больших душ. И он был так симпатично мужествен, как умный атлет...

Раненый помолчал. Видимо, он боролся с желанием простить и с каким-то ядовитым воспоминанием. Он вздохнул, поморщился, взглянул доктору в глаза и нехотя, сдавленно произнес:

- Пусть... уж... по закону.

Доктор, тоже помолчав, встал.

- Значит, "по закону"? - повторил он.

- По закону. Как сказал, - кивнул матрос и закрыл глаза.

Я был так взволнован, что не вытерпел и ушел на двор. Мне казалось, что у меня что-то отняли.

С этого дня я стал присматриваться к морю и морской жизни с ее внутренне, настоящих сторон, впервые почувствовав, что здесь такие же люди, как и везде, и что чудеса - в самих нас.

Александр Степанович Грин — русский писатель, прозаик и поэт,

Проблема (над чем призывает задуматься читателей писатель?):

Аргумент №1:

Аргумент №2:

Позиция автора (ответ на проблемный вопрос):

Текст 4

Вокруг настоящего самовара, из которого пар валил, как из паровоза — даже стекло в лампе немного затуманилось: так сильно шел пар. И чашечки были те же, синие снаружи и белые внутри, очень красивые чашечки, которые подарили нам еще на свадьбе. Сестра жены подарила — она очень славная и добрая женщина.

— Неужели все целы? — недоверчиво спросил я, мешая сахар в стакане серебряной чистой ложечкой.

— Одну разбили, — сказала жена рассеяно: она в это время держала отвернутым кран, и оттуда красиво и легко бежала горячая вода.

Я засмеялся.

— Чего ты? — спросил брат.

— Так. Ну, отвезите-ка меня еще разок в кабинетик. Потрудитесь для героя! Побездельничали без меня, теперь баста, я вас подтяну, — и я в шутку, конечно, запел: «Мы храбро на врагов, на бой, друзья, спешим...»

Они поняли шутку и тоже улыбнулись, только жена не подняла лица: она перетирала чашечки чистым вышитым полотенцем. В кабинете я снова увидел голубенькие обои, лампу с зеленым колпаком и столик, на котором стоял графин с водою. И он был немного запылен.

ILINA EKATERINA

— Налейте-ка мне водицы отсюда, — весело приказал я.

— Ты же сейчас пил чай.

— Ничего, ничего, налейте. А ты, — сказал я жене, — возьми сынишку и посиди немножко в той комнате. Пожалуйста.

И маленькими глотками, наслаждаясь, я пил воду, а в соседней комнате сидели жена и сын, и я их не видел.

— Так, хорошо. Теперь идите сюда. Но отчего он так поздно не ложится спать?

— Он рад, что ты вернулся. Милый, походи к отцу.

Но ребенок заплакал и спрятался у матери в ногах.

— Отчего он плачет? — с недоумением спросил я и оглянулся кругом. — Отчего вы все так бледны, и молчите, и ходите за мною, как тени?

Брат громко засмеялся и сказал:

— Мы не молчим.

И сестра повторила:

— Мы все время разговариваем.

— Я похлопочу об ужине, — сказала мать и торопливо вышла.

— Да, вы молчите, — с неожиданной уверенностью повторил я. — С самого утра я не слышу от вас слова, я только один болтаю, смеюсь, радуюсь. Разве вы не рады мне? И почему вы все избегаете смотреть на меня, разве я так переменился? Да, так переменился. Я и зеркал не вижу. Вы их убрали? Дайте сюда зеркало.

— Сейчас я принесу, — ответила жена и долго не возвращалась, и зеркальце принесла горничная. Я посмотрел в него, и — я уже видел себя в вагоне, на вокзале — это было то же лицо, немного постаревшее, но самое обыкновенное. А они, кажется, ожидали почему-то, что я вскрикну и упаду в обморок, — так обрадовались они, когда я спокойно спросил:

— Что же тут необыкновенного?

Все громче смеясь, сестра поспешно вышла, а брат сказал уверенно и спокойно:

— Да. Ты мало изменился. Полысел немного.

— Поблагодари и за то, что голова осталась, — равнодушно ответил я. — Но куда они все убегают: то одна, то другая. Повози-ка меня еще по комнатам. Какое удобное кресло, совершенно бесшумное. Сколько заплатили? А я уж не пожалею денег: куплю себе такие ноги, лучше... Велосипед!

Он висел на стене, совсем еще новый, только с опавшими без воздуха шинами. На шине заднего колеса присох кусочек грязи — от последнего раза, когда я катался. Брат молчал и не двигал кресла, и я понял это молчание и эту нерешительность.

— В нашем полку только четыре офицера осталось в живых, — угрюмо сказал я. — Я очень счастлив... А его возьми себе, завтра возьми.

— Хорошо, я возьму, — покорно согласился брат. — Да, ты счастлив. У нас полгорода в трауре. А ноги — это, право...

ILINAEKATERINA

— Конечно. Я не почтальон.

Брат внезапно остановился и спросил:

— А отчего у тебя трясется голова?

— Пустяки. Это пройдет, доктор сказал!

— И руки тоже?

— Да, да. И руки. Все пройдет. Вези, пожалуйста, мне надоело стоять.

Они расстроили меня, эти недовольные люди, но радость снова вернулась ко мне, когда мне стали готовить постель — настоящую постель, на красивой кровати, на кровати, которую я купил перед свадьбой, четыре года тому назад. Постлали чистую простыню, потом взбили подушки, завернули одеяло, — а я смотрел на эту торжественную церемонию, и в глазах у меня стояли слезы от смеха.

— А теперь раздень-ка меня и положи, — сказал я жене. — Как хорошо!

— Сейчас, милый.

— Поскорее!

— Сейчас, милый.

— Да что же ты?

С— сейчас, милый.

Она стояла за моею спиною, у туалета, и я тщетно поворачивал голову, чтобы увидеть ее. И вдруг она закричала, так закричала, как кричат только на войне:

— Что же это! — И бросилась ко мне, обняла, упала около меня, пряча голову у отрезанных ног, с ужасом отстраняясь от них и снова припадая, целуя эти обрезки и плача.

— Какой ты был! Ведь тебе только тридцать лет. Молодой, красивый был. Что же это! Как жестоки люди. Зачем это? Кому это нужно было? Ты, мой кроткий, мой жалкий, мой милый, милый...

И тут на крик прибежали все они, и мать, и сестра, и нянька, и все они плакали, говорили что-то, валялись у моих ног и так плакали. А на пороге стоял брат, бледный, совсем белый, с трясущейся челюстью, и визгливо кричал:

— Я тут с вами с ума сойду. С ума сойду!

А мать ползала у кресла и уже не кричала, а хрипела только и билась головой о колеса. И чистенькая, со взбитыми подушками, с завернутым одеялом, стояла кровать, та самая, которую я купил четыре года назад — перед свадьбой.

Леонид Николаевич Андреев — русский писатель и драматург.

Проблема (над чем призывает задуматься читателей писатель?):

Аргумент №1:

Аргумент №2:

Позиция автора (ответ на проблемный вопрос):

Текст 5

Комбат Колесник выходил уже из третьего окружения. Из первого выбирались большой группой под минометным и пулеметным огнем, лезли напролом, надеясь на то, что повезет. Многие полегли. Некоторым повезло, в том числе и Колеснику. Зато месяц потом писал объяснения, отвечал на допросах в особом отделе, заполнял анкеты. Обошлось, хотя подозревали в худшем. Хорошо, что нашелся свидетель, который подтвердил все, что комбат показал в своем первом объяснении. Поверили и снова послали на батарею, в которой пришлось повоевать ровно один месяц. И снова — окружение, разгром. Тогда им повезло — проскользнули в прореху между соседними немецкими частями. Орудия накануне подорвали, потому что двинулись по болотам и бездорожью, с ранеными, четырех из которых несли на самодельных носилках. В тот раз Колесник искренне пожалел, что не погиб в бою, что вы — 226

Шел, потому как дело его оформили в трибунал. Да все-таки что-то там у них переменялось, и его срочно направили в батарею, которую перебросили на плацдарм, где она и погибла. Лишь они вдвоем с зенитчицей Катей, которую комбат любил и с которой был близок, уцелели.

За пригорком разгорался огневой бой. Колесник понял, что вроде бы наступал момент, к которому они стремились. Чувствовалось почти определенно, что за теми придорожными столбами — наши. Он так стремился туда и даже порой терял веру, что это осуществится. Теперь последний рывок, и они среди своих. Но что после?

Вот это после его и смущало, о том после не хотелось и думать. Да он и не думал, пока они бежали в огненной пляске трассирующих очередей из немецких танков, лежали в земляном смерче бомбежек, проползая по ночам через немецкие позиции, теряя при этом своих и чужих бойцов и командиров... Может, только ему с этой милой наивной Башмаковой и повезло. (Только ее он и вывел. Но хорошо, что вывел...

— Сейчас рванем, — сказал он. — Нераненым туда выходить нельзя.

— Как?

— Так.

— Что?

— Не понимаешь, что? Хотя ты первый раз... Слушай! Вот тебе автомат! Держи. Наведешь мне в руку и выстрели.

Не до конца понимая его, она ослабевшими, ватными руками взяла оружие. В ее расширенных глазах застыли испуг и удивление. А он, отойдя шагов пять, вытянул левую руку.

— Что — стрелять? — беззвучно промолвила она одними губами.

— Стреляй, ну! Только скорее...

Он требовательно ждал. А в ней поднималось внутри что-то черное и злое, и в мыслях стучало одно только слово — предатель!

— Ну ты что? Давай быстро! Некогда...

Захлебнувшись от непонятого взрыва обиды, она подняла автомат.

— Пониже локтя. Я стерплю...

«Не стерпишь!» — сказала она себе в мыслях и решительно нажала на спуск. На подогнутых ногах Колесник сполз по откосу наземь и застыл, неуклюже согнувшись. Показалось, он что-то сказал ей,

ILINAEKATERINA

но она не поняла что — она даже и не взглянула на него. Наверно, какое — то время он еще жил, подергивая головой, а потом затих, будто окончательно смирившись с происшедшим.

Она постояла еще, пытаясь как-то совладать с собою, и побрела по склону овражка. Впереди возле столбов, показалось, пробежал кто-то, но ее мало интересовало — кто... Назад она уже не оглядывалась и больше не интересовалась тем, кого пристрелила. Никто у нее о том и не спрашивал, когда она вышла к своим. Откуда ей тогда было знать, что в том капонири остался отец ее сына, который родился зимой, когда она, уже комиссованной, вернулась с младенцем в маленький смоленский городок, где жила до войны.

Василь Владимирович Быков — советский и белорусский писатель, общественный деятель,

Проблема (над чем призывает задуматься читателей писатель?):

Аргумент №1:

Аргумент №2:

Позиция автора (ответ на проблемный вопрос):